

Низами ТАГИСОЙ

ХРОНОТОП ЭЛЬЧИНА:

время и голоса

Эльчин не только крупный прозаик, оригинальный драматург, пронизательный публицист, но и талантливый литературовед, литературный критик. Каждое из произведений писателя оригинально и сугубо индивидуально в разработке и преподнесении проблематики. Об этом свидетельствуют его пьесы, поставленные на сцене Азербайджанского национального академического драматического театра. Но не о них мы поведем речь. Выскажем свои соображения относительно одной из интересных книг Эльчина "Время и слово". По мнению автора она появилась абсолютно случайно. В данной книге автор фактически говорит обо всем: о фольклоре, ашугской поэзии, классической и современной азербайджанской, восточной литературе, тюркских литературах - турецкой, киргизской; русской, северокавказской, западной, мировой и т.д., в каждом из имеющихся в книге суждений автора четкое взаимодействие времени и слова. Для писателя два эти понятия имеют важное философско-эстетическое значение. Как известно, эти понятия культурно-исторический феномен, влияющий на общество и на формирование самой личности. Категория времени в книге Эльчина по своему происхождению социальная. Суждения в плане общественных отношений в книге сообразно времени.

Здесь объектом эстетического анализа Эльчина являются фольклор, культура и литература азербайджанского, тюркского, русского, восточных, западных народов, содержание эстетической деятельности направлена на конкретных творческих личностей или на их произведение. Это содержание - эстетический объект - в отличие от самой внешности творческих индивидуальностей или от самого внешнего произведения, которые допускают и иные подходы, прежде всего первично познавательный. Эстетический анализ у Эльчина обращается к творческим личностям или произведениям в их первичной, чисто познавательной значимости. Поэтому Эльчин встает перед нами филологом, лингвистом, искусствоведом, философом, теоретиком, социологом, обществоведом и т.д.

Как и другие художники Эльчин имеет дело только со словами, ибо только слова суть нечто определенное и бесспорно наличное в его книге. Книга Эльчина "Время и слово" - это как бы многостильное, разноречивое, разноголосое явление. В ней мы сталкиваемся с несколькими разнородными стилистическими единствами, лежащими иногда в разных языковых планах,

подчиняющихся разным стилистическим закономерностям. Здесь стилизация различных форм полулитературного (письменного) бытового повествования (разбор писем, произведений, спектаклей, дневников т.п.), различные формы литературной, но внехудожественной авторской речи (моральные, философские, научные рассуждения, мысли о фольклорных образцах и т.п.), стилистически индивидуализированные речи героев - писателей, поэтов, драматургов. Эти разнородные стилистические единства, входящие в книгу, сочетаются в ней в стройную художественную систему и подчиняются высшему стилистическому единству целого, которое нельзя отождествлять ни с одним из подчиненных ему единств. Стиль этой книги - в сочетании стилей.

"Время и слово" - это художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица. Авторская речь, вставные жанры, речи героев - это только те основные композиционные единства, с помощью которых разноречие вводится в книгу: каждое из них допускает многообразие социальных голосов и разнообразие связей и соотношений между ними. Эти особые связи и соотношения между высказываниями, мыслями, это движение темы по языку и речам, ее дробление в струях и каплях социального разноречия, диалогизация ее - такова основная особенность стилистики книги Эльчина "Время и слово". Например, подзаголовок "О Шекспире". "Если бы не было Шекспира, обеднела бы вся английская литература" или "о "Тихом Доне": "Сам ли Шолохов написал его, не сам ли написал - это дело десятое, главное в том, что "Тихий Дон" существует".

Каждое конкретное высказывание писателя это его индивидуализованное воплощение. Активная причастность каждой мысли, каждого высказывания автора книги, будь это об ашугах Алы, Алескере, фольклористе Салмане Мумтазе и др., классиках Физули, Вагифе, два голоса, два смысла и две экспрессии. Притом эти два голоса диалогически соотнесены, они как бы знают друг о друге. Двуголосое слово всегда внутренне диалогизовано. В двуголосом слове в книге Эльчина заложен потенциальный диалог, неразвернутый, сконцентрированный диалог двух голосов, двух мировоззрений, двух языков.

В прозаической двуголосости прозы Эльчина двуголосость как бы черпает свою энергию, свою диалогизованную двусмысленность не из индивидуальных разноголосий, недоразумений и противоречий - в книге Эльчина "Время и слово" эта двуголосость глубоко уходит своими корнями в существенную социально-языковую разноречивость и разноязычие.

В книге "Время и слово" представлены герои, мыслящие и действующие (несмотря на то, что многие из них представители предыдущих эпох, столетий - Н.Т.) по замыслу автора, безукоризненно, как всякий должен действовать, - но это романная безукоризненность далека от наивной эпической бесспорности.

В мини-эссе "Время и слово" мы находим мысли вне произведения, как живущего своей биографической жизнью человека, но встречаемся с ним как с творцом и в самой книге, однако вне изображенных хронотопов. Мы встречаем его (то есть его вмешательство) прежде всего в композиции книги: он расчленяет ее на малые и большие части (например, "Парадокс", "Читая Достоевского", "Краса ненаглядная ашуга Алескера", "Читая Гёте", "Гений Сабира", "Фолькнер о Хемингуэе", "Баяты-Шираз", "Национальный характер", "Память Азиза Несина", "Сюжет", "Занимательная литература", "Шолохов и Булгаков" и т.д.), получающие какое-либо внешнее выражение, не отражающееся, однако, непосредственно в изображенных хронотопах. Мы довольно явственно прощупываем хронотоп фольклорных певцов, классических и современных писателей, мастеров сцены и т.д. В членении книги учитываются как хронотопы изображенного мира, так и хронотопы читателей, т.е. совершается взаимодействие изображенного и изображающего мира. Это взаимодействие четко раскрывается и в некоторых элементарных композиционных моментах: всякое произведение имеет начало и конец, изображенное в нем событие также имеет начало и конец, но эти начала и концы лежат в разных мирах, в разных хронотопах, которые никогда не могут слиться или отождествиться и которые в то же время соотносены и неразрывно связаны друг с другом. Ведь перед нами два события - событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания. События эти происходят в разные времена (различные по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте, включая сюда и его внешнюю материальную данность, и его текст, и изображенный в нем мир, и автора - творца, и читателя.

Эльчин как автор - создатель свободно движется в своем времени: он имеет возможность начать свой рассказ с конца, с середины и с любого момента изображаемых событий, не разрушая при этом объективного хода времени в изображенном событии. Здесь ярко проявляется различие изображаемого и изображенного времени. Однако в таком случае перед нами возникает вопрос: из какой временно-пространственной точки смотрит автор на изображаемые им события?

Разноструктурная, разноархитектоническая и композиционная особенность "Времени и слова" дает много пищи для размышления над творчеством и над творческим актом, как они совершаются. Книга "Время и слово" с разных позиций должна стать объектом анализа культурологов, искусствоведов, литературоведов и эстетов.